

СТРЕСС-ТЕСТ СОМАЛИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Дата: 14.01.2022 Автор: Николай Севостьянов

Рубрика: [Африка](#)

Сомали – это та страна, которая в большинстве случаев упоминается исключительно в негативном контексте. На то есть много причин. Вот уже нескольких десятилетий данное восточноафриканское государство остаётся классической иллюстрацией понятия «failed state». Пиратство, тотальная разруха и бесконечные теракты – именно с этими понятиями

ассоциируется Сомали. Данный образ укоренился настолько глубоко, что на нём неплохо зарабатывают организаторы экстремального туризма, эксплуатирующие тот облик Могадишо, каким он был еще в начале 2010-х годов.

В действительности за последние годы ситуация серьёзным образом изменилась, и на сегодняшний день сомалийская столица куда больше похожа на типичный африканский мегаполис, чем на те руины, какими она была еще 10 лет назад. Несмотря на колоссальные проблемы, Сомали удалось добиться определенных успехов на пути реконструкции экономики, государственности и её основных институтов. Тем не менее, достигнутый прогресс настолько хрупок, что страна легко может «откатиться» в прежнее состояние в случае, если замороженные и вялотекущие политические конфликты в очередной раз перерастут в полномасштабное вооруженное противостояние.

Именно эту опасность мы наблюдаем в данный момент. На протяжении всего прошлого года ситуация в Сомали непрерывно ухудшалась, и в настоящий момент страна, прежде всего в лице её центрального правительства, фактически находится на перепутье. Но обо всём по порядку.

Главной проблемой, которая воздействует на ключевые сферы политической жизни и тормозит процесс реконструкции, является тот факт, что почти все трудности, лежащие в самой основе сомалийского кризиса, носят не эпизодический, а структурный характер. Более того, в ряде случаев их нейтрализация не только сложна, но и невозможна в принципе, поскольку затрагивает интересы не конкретных людей, вне зависимости от их политического веса, а целых кланов, существовавших задолго до объявления независимости в 1960 г.

Именно клановая система серьёзным образом осложняет попытки найти хоть какое-то решение, которое будет приемлемо для общества в целом. В каком-то смысле большой вопрос – можем ли мы вообще говорить о сомалийском обществе, учитывая отсутствие территориальной целостности и привычку оценивать происходящее исключительно через призму клановых и региональных интересов.

Ведущие сомалийские кланы – это скотоводы-кочевники Хавие, Дарод, Дир и Исаак, а также Раханвейн, представители которого традиционно практикуют агропасторализм, сочетающий оседлое земледелие и пастбищное скотоводство. Всего же, по разным оценкам, в Сомали насчитывается порядка 500 кланов и субкланов, куда относятся и так называемые «бенадири» – потомки арабов, персов и индийцев, исторически

проживающие в прибрежной полосе.

Точная структура, численность тех или иных кланов и взаимоотношения между ними всё еще плохо изучены, а доступные цифры не всегда достоверны и актуальны, вследствие чего многие аналитики и журналисты предпочитают вообще избегать данной темы. При этом надо отметить, что хотя термин «трайбализм» в данном случае вполне актуален, сомалийские кланы не являются племенами, а представляют собой гораздо более сложные сообщества.

В 70-е и 80-е годы, во времена правления Мохаммеда Сиада Барре, правительство пыталось бороться с клановой системой, выдвигая в качестве противовеса идею пансомализма, которая базируется на идее объединения всех сомалийцев, в том числе тех, кто проживает в соседних государствах – Эфиопии, Кении и Джибути. Однако после гражданской войны и распада страны успехи, достигнутые на данном направлении, почти сразу же были нивелированы стремительной атомизацией общества, что вывело трайбализм на новый уровень, подменив государственные институты меж- и внутриклановыми договоренностями.

В целом, распад Сомали, последовавший за свержением Сиада Барре в 1991 г., стал одним из самых сложных и кровавых процессов на африканском континенте. В стране начался чудовищный голод (только в 1991-1992 гг. он унес жизни порядка 300 тыс. человек), её территория оказалась поделена между многочисленными милициями, а население подверглось форсированной исламизации. Вмешательство миротворческих сил ООН также не принесло ожидаемого эффекта.

При этом на определенном этапе политический ислам даже превратился в стабилизирующий фактор. Когда в 2006 г. Союз исламских судов (СИС) провел серию успешных военных операций и взял под контроль не только столицу, но и обширные территории в южной и центральной части страны, население и немногочисленные международные наблюдатели отмечали снижение уровня насилия и оживление экономической активности в регионах, подконтрольных группировке. Так, при исламистах в Могадишо впервые за 10 лет заработал аэропорт и морской терминал, а на улицах была проведена масштабная кампания по уборке мусора.

Впрочем, период относительной стабильности оказался чрезвычайно коротким, и вскоре власть СИС была свергнута силами сформированного в 2004 г. Переходного федерального правительства, действующего при поддержке эфиопской армии. Вместо Союза исламских судов на сцене появилась «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин» («Аш-Шабаб») – гораздо более радикальная и жестокая группировка, позже присягнувшая на

верность лидеру запрещенной в РФ террористической организации «Аль-Каида» Айману аз-Завахири.

Что касается официальных властей, то в 2012 г. на смену Переходному пришло Федеральное правительство, действующее в рамках новой конституции. В ходе пятилетнего правления Хасана Шейха Махмуда, представляющего клан Хавие, центральному аппарату удалось добиться определенных успехов в восстановлении территориальной целостности республики. Кроме того, президент был известен более избирательным подходом в отношении исламских движений, в рамках которого жесткая борьба с «Аш-Шабаб» сочеталась с политикой открытого диалога с теми группировками, которые были готовы к интеграции в формирующиеся федеральные институты.

В 2017 г. Хасана Шейха Махмуда сменил Мохамед Абдуллахи Мохамед по прозвищу «Фармаджо», принадлежащий к клану Дарод. Вследствие непрямого характера президентских выборов «Фармаджо» был избран коллегией парламентариев по результатам второго тура после того, как его предшественник признал своё поражение. Интересная деталь – на тот момент Мохамед Абдуллахи еще имел американское гражданство, от которого он отказался лишь в 2019 г.

В ходе своего правления девятый президент Сомали продолжил политику укрепления центральной власти, однако так и не смог добиться каких-то экстраординарных успехов. Серьезной политической ошибкой «Фармаджо» стала попытка изменить, а затем и вовсе проигнорировать избирательную систему, благодаря которой он пришел к власти. После того, как в феврале 2021 г. истёк его президентский мандат, Мохамед Абдуллахи попытался в одностороннем порядке продлить свои полномочия на два года, что послужило катализатором масштабного политического кризиса, который с разной интенсивностью продолжается по сей день.

Ключевая фигура в противостоянии с президентом – премьер-министр Мохамед Хусейн Робле, выходец из субклана Хавие. Первой серьёзной эскалацией стали столкновения в Могадишо в апреле минувшего года, когда подразделения, лояльные премьер-министру, вступили в вооруженное противостояние с силовиками, поддерживающими президента, в результате чего он был вынужден отказаться от продления своего мандата.

В последующие месяцы федеральному правительству с огромным трудом удалось провести выборы в Сенат, что является одним из двух условий (наряду с формированием Народной палаты – аналога Государственной думы), необходимых для избрания президента. Сомалийский сенат

избирается от 6 регионов – Пунтленда, Джубаленда, Галмудуга, Хиршабелле, Юго-западного Сомали и Сомалиленда, причем в последнем случае представительство носит условный характер, учитывая декларируемый Харгейсой курс на независимость и прямые угрозы в отношении тех, кто будет принимать участие в федеральных выборах.

В ходе выборов отмечался весь спектр нарушений, включая подкуп, необоснованный фаворитизм, давление на чиновников, курирующих избирательный процесс и отстранение оппозиционных кандидатов от выборов. В конечном счете с огромной задержкой новый состав Сената был сформирован к середине ноября, однако выборы в нижнюю палату сомалийского парламента столкнулись с еще большими трудностями, связанными с попыткой как президента, так и премьер-министра провести в Народную палату как можно больше лояльных кандидатов.

Параллельно с этим Мохамед Хусейн Робле все эти месяцы последовательно переключал на себя основные рычаги управления государством, что в конце декабря привело к закономерному исходу, де-факто в форме государственного переворота. После президентского указа об отстранении премьер-министра от исполнения обязанностей, последний потребовал от силовиков подчиняться именно его указаниям, пригрозив судом тем, кто попытается проигнорировать распоряжения кабмина.

В данном случае Мохамед Хусейн Робле опирается не только на своих ставленников в армии и спецслужбах, но и на широкий конгломерат оппозиционных сил, в том числе в лице Союза кандидатов в президенты, куда входят два бывших лидера страны – Шариф Шейх Ахмед и Хасан Шейх Махмуд. Кроме того, премьер может рассчитывать на поддержку влиятельных бизнесменов и старейшин из клана Хавие, заинтересованных в отстранении от власти представителя конкурирующего клана.

Президент, в свою очередь, полагается на сохраняющих верность представителей силового блока, на союзников в федеральных штатах, а также на внешнюю поддержку в лице Турции и Катара, что еще больше осложняет сложившуюся ситуацию. Хотя Турция проявляла интерес к Сомали еще в период деятельности Переходного правительства, именно период правления Мухамеда Абдуллахи отметился масштабной экспансией Анкары в восточноафриканском государстве.

В частности, с 2017 г. в столице действует турецкая военная база и оборонный университет, обучающий местных силовиков, причем в ряде случаев подготовка проводится на территории Турции. Более того, в 2020 г. правительство Сомали предоставило компании Albayrak 14-летнее разрешение на управление портом Могадишо, что вкуче с масштабными

инвестициями позволило Анкаре в значительной степени контролировать сомалийскую экономику и влиять на политический климат.

В данной связи оппозиция неоднократно обвиняла турок во вмешательстве в избирательный процесс и в предоставлении оружия президентским силам. Вполне логично, что Анкара откажется от поддержки Мухамеда Абдуллахи, только если получит твёрдые гарантии сохранения завоеванных ранее позиций.

Что касается других игроков на международной арене, то стоящие за премьер-министром силы рассчитывают на поддержку ОАЭ и планируют нормализовать отношения с Кенией и Сомалилендом, подорванные в результате политики «Фармаджо». И хотя усиление клана Хавие чревато кризисом в отношениях с Эфиопией, это не вызывает особых опасений ввиду тех проблем, с которыми в настоящий момент сталкивается Аддис-Абеба.

Говоря о взаимодействии с Африканским союзом, отметим, что здесь еще рано делать какие-либо прогнозы, поскольку вывод миротворческого контингента, предоставленного Угандой, Кенией, Бурунди, Сьерра-Леоне и Джибути, является не только вопросом глобальной политики, но и предметом торга.

Таким образом политический кризис, который в настоящий момент достиг своего апогея, не ограничивается границами государства, провоцируя соответствующую реакцию тех сил, которые имеют в отношении Сомали далеко идущие планы и которые в ряде случаев выступают «подрядчиками» более крупных игроков.

Всё это происходит на фоне серьёзных гуманитарных вызовов. В минувшем году засуха и нашествие пустынной саранчи так или иначе затронули порядка 80% населения Сомали, в то время как другие регионы, напротив, столкнулись с разрушительными наводнениями. Данные факторы существенно ухудшают положение в области продовольственной безопасности и ставят под удар большую часть населения, прежде всего проживающего в сельских районах.

Как следствие, недостаток ресурсов еще больше обостряет конкуренцию между кланами и открывает новое окно возможностей для радикальных исламистов из «Аш-Шабаб», которые извлекают выгоду из политической напряженности и активно рекрутируют новых боевиков из числа перемещенных лиц. При этом процесс внутренней миграции сам по себе является дестабилизирующим фактором, поскольку меняет межклановый

баланс и тем самым подготавливает почву для новых конфликтов.

Значимым негативным фактором становится и ситуация с распространением COVID-19. В 2021 г. в Сомали зафиксирован один из самых высоких показателей смертности от коронавируса на всём континенте. И хотя возрастная структура сомалийского общества способствует уменьшению доли летальных исходов, это нивелируется крайне неудовлетворительным уровнем медицины.

В совокупности все эти факторы ставят под удар те результаты, которые были достигнуты Федеральным правительством за последние 9 лет. Сомали действительно рискует как минимум вернуться в 2011 год. Но это же даёт и надежду. В случае если Сомали сумеет успешно преодолеть нынешний кризис, можно будет с уверенностью говорить, что стресс-тест государством пройден. И вот это, действительно, станет самым значительным достижением за прошедшие 30 лет.